

ЭТОЙ книге могло и не быть. Галина Вишневская может дать «фору» многим членам Союза писателей. (Интересно, вдруг среди них найдется человек, который мог бы спеть, как звезда мировой оперы). Книга «Галина. История жизни», выпущенная издательством «Новости», увидела свет в 1984 году в США, чем и объясняется крайне неизобретательное название замечательной книги оперной примадонны. На русском языке книга вышла в 1985 году в Париже — в совместном издании журнала «Континент» и «Ля пресс либр». Обойдя весь мир, став бестселлером, книга, получившая несколько литературных премий, дошла и до нас. Года два назад предпринимались попытки издать ее в «сокращенном варианте»: детство, начало карьеры и сразу — отъезд. Истерзанную книгу прислали Галине Павловне в Париж. Понять из нее, почему же автор книги оказалась так далеко от Москвы, было абсолютно невозможно. Сейчас она вышла без цензурных изъятий и с неимоверной для нашей страны скоростью. Контракт был подписан в январе, сегодня, в конце апреля, стотысячный тираж поступает в московские магазины.

— Вернуться в Россию, да еще не в своем обычном амплуа — это, конечно, особое для меня переживание. Я не думала, что при моей жизни книга будет издана здесь.

Должна признаться, что я писала ее для тех, среди кого я живу вот уже семнадцать лет. Я не переделывала книгу для русского читателя. И, прочитав ее, вы поймете, что она обращена в первую очередь к иностранцам. Я писала не только о своей карьере, о самой себе, но и о том, что происходило в этой стране в то время, о том, почему такое может произойти с человеком только здесь. Наверное, я бы никогда не написала эту книгу, просто рассказывала всем об этой стране, но дело в том, что я до сих пор плохо знаю языки. Я поняла, что не успокоюсь, пока не выскажусь. Что-то важное ухидило, расплылось по интервью. И я стала писать книгу.

Книга вышла в Америке, и я, зная западную публику, старалась писать сжато, чтобы книгу читали не отрываясь: на каждой странице — какое-то событие. Для американца прочесть книгу — большое испытание. Я выбрасывала каждое лишнее слово. Тем не менее книга получилась большая.

Я рада, что эта далекая от политики книга о жизни женщины, артистки помогла кому-то лучше понять Россию.

Именно к этому я и стремилась.

— Галина Павловна, когда вы писали эту книгу, наверняка у вас был строгий советчик. Вы кому-то давали читать черновики, кроме вашего мужа, разумеется?

— Что вы! Муж не имеет к ней никакого отношения. Я уже закончила книгу, издатель стоял за спиной, я должна была отдать рукопись, а Ростропович ее еще не читал. Я вытаскала его с репетиции, посадила на кухню, накормила и сказала: «Не выйдешь, пока не прочтешь. Сегодня вечером я ее отдаю». Вот так он ее прочел.

Владимир Максимов — вот «свидетель умиленный моих младенческих забав».

Как писать книгу, я же не знала. Сначала хотела, чтобы за меня это кто-то сделал. Встретилась с очень талантливой, знающей музыку журналисткой Дорой Ромадиновой, которая к тому времени эмигрировала из России в Америку. Она загорелась. Я наговорила ей чего-то. Через некоторое время она принесла кусочки из «моей» книги. Каждое не мое слово — убивало. Нож в сердце. Я не могу так сказать! Но нельзя же сидеть над каждым словом и править. Я поняла, что, чем талантливее будет человек, который возьмется написать мою книгу, тем больше в ней будет не моего. А бездарная книга — кому она нужна? Мы поняли, что у нас ничего не выйдет, и полюбовно расстались.

Я помню, как несколько дней просидела над чистым листом. Ничего не могла. Идей — никаких. Ну что, — думаю, — буду писать подряд, что помню. И пошло. Писала три дня не переставая.

На четвертый день появилась жена Владимира Максимова — Таня. А у меня — творческий процесс. Она: «Книгу пишешь? Дай почитать». Таня первая прочла пять страниц, которые я успела написать. Она меня вдохновила, придала мне уверенность: «Ты главное — не останавливайся, пиши». Еще посоветовала взять машинистку, потому что, когда увидишь все выстроенное в строчки, совершенно другое впечатление. Вот что значит жена писателя!

Через несколько дней, когда у меня уже много было написано, она сказала: «Ты дай мне домой, я там почитаю, а то сейчас спешу». Ладно, говорю, только Володе не показывай. «Не-е. Ни за что не покажу». Вот наврала ведь!.

Утром мне звонит Владимир Емельянович: «Ну-ну. Чи-

★ В СЛЕД ЗА СОБЫТИЕМ

Примадонна

тал... Да, думаю, дамское баловство. Погляжу, на сон грядущий... Не лег спать, пока не прочел».

Уже готовую рукопись читал Солженицын. Там же целая глава про него. Повез ее Ростропович, я боялась. Он прочел, написал мне в письме, что ему очень понравился мой язык и что он читал и будто слышал мой голос.

ВОПРОС о высокой цене книги и о судьбе гонора Галина Вишневская назвала прямым и нелюбезным, но тем не менее не оставила его без ответа.

— Когда мне сказали о цене, я еще не видела, что здесь происходит. Книга тридцать рублей — хорошенькое дело! Боже мой, 30 рублей, да я здесь 550 в месяц в Большом получала. Но сегодня я прошла по Арбату, увидела эти размалеванные деревянные миски по две тысячи рублей... Теперь я считаю, что цена абсолютно умеренная.

Что касается гонора, то часть его останется родственникам, живущим здесь, а что делать с остальным, я подумаю. Я была в Москве всего четыре дня, в прошлом году, в феврале. И это был такой официальный визит. Жили мы, например, у американского посла Мэтлока. В общем, быть-то была, но ничего не видела. И тогда страна произвела на меня ужасное впечатление, но то, что я увидела сегодня, для меня большая неожиданность.

Галина Павловна призналась, что она давно смотрит программу «Время» дома, в Париже. И добавила лукаво:

— Я все-е вижу... Год назад она была куда интереснее, потом все. Пошла цензура. ТСН сейчас вообще ничего не передает, что она есть, что ее нет.

Галина Павловна уважительно отозвалась о советских журналистах, чьи аналитические статьи о судьбах Родины не дают ей возможности пробыть к книгам. Когда Вишневская приезжает домой, ее ждет огромная стопка советских газет и журналов. Она выписывает «Литературную газету», «Советскую культуру», «Известия», «Книжное обозрение», «АиФ», «Московские новости», «Новый мир», «Огонек», «Московский комсомолец» остался за бортом только потому, что его за пределы Московской области не выпускают...

Галина Вишневская пообещала журналистам, что это не последняя ее книга, хотя днем раньше она еще сомневалась.

Анастасия КАСЬЯНИКОВА,
фото Владимира ВЯТКИНА.